

СУЩЕСТВЕННЫЙ ЭТАП

**Олег Юрков. Избранное. Т. 1. Ростральные колонны; Т. 2. Море вернется...;
Т. 3. Берега мои. СПб.: Реноме, 2014—2016.**

Прежде чем приступить к обсуждению трехтомника стихов Олега Юркова, хочется сказать два слова о стихах как жанре современной русской художественной литературы.

Вспомним, что недавно миновали такие знаковые мероприятия, как год литературы, год славянской письменности, многочисленные книжные салоны и т. п. Все это должно было активизировать интерес, в том числе и к стихам. Однако бурного роста внимания к этому жанру мы не заметили. Это объясняется в значительной мере тем, что уже примерно 50 лет стихи негласно считаются художественной литературой второго сорта, за исключением нескольких давно и широко известных имен, которые большей частью используются в качестве подарков к праздникам, а не для внимательного слушания и чтения. Это происходит, среди прочих причин, и оттого, что явно падает содержательность современных стихов, и отсюда — их смысловое воздействие на души читателей. Всё меньший круг стихов охватывает явления современной жизни, жизни страны, личных и общественных отношений, не говоря уже о социальных и политических моментах. Армия, авиация и флот — эти вечные источники внимания и вдохновения для наших поэтов — превратились в замкнутые, секретные системы, которые потеряли непосредственный контакт с массами людей. Где сегодняшние Чкаловы, Байдуковы, Папанины и пр.? Нет полновесных стихотворных сочинений о несчастной русской деревне, поскольку писатели-деревенщики вымерли, и о не менее несчастном рабочем классе, которого, по сути, давно нет. Вот и приходится молодежи устремлять свое внимание на Евровидение, в котором, увы, мы тоже не блещем.

Однако перейдем к предмету нашего рассмотрения. Особенностью всех трех томов — «Ростральные колонны», «Море вернется...» и «Берега мои» — является их преемственность, перетекание одного тома в стихи другого, причем резкой границы между томами не ощущается. Вероятно, такова была воля автора. И там и тут Петербург, и тут и там экскурсы в историю и в глубины души человеческой, если такая существует. Во всех трех томах присутствуют друзья и любимые, широкий спектр взаимоотношений. И там и там присутствуют юмор и печаль. И все же в первом томе больше о войне, а в третьем — маленькие поэмы и больше о музыке и театре.

Можно догадаться все же, что в первый том автор постарался вложить наиболее существенные, весомые, с его точки зрения, и северные, и южные впечатления. Впечатление, что автор беспокоится, что не успеет издать все, что хочется. В действительности это не так. Все три тома, конечно, единое целое, возвращающее автора в юность и молодость. Тут самый раз вспомнить о содержательности так называемых шестидесятников, которых можно жестко ругать за нравственную подготовку известных печальных политических событий, но чувствовать их правоту и учиться у них не зорно:

С полатай головы склоня
из невозможно дальней дали,
четыре маленьких меня
за мною взрослым наблюдали.

(Евг. Евтушенко)

Конечно, правильнее сказать «четыре маленьких я», но разваливается и стихотворение, и всё очарование этих строк. Это и есть апофеоз содержательности, позволяющий перевести просто стихи в поэзию, а стихотворение в литературу первого сорта.

Отвлекаясь от нашего автора, позволю себе сделать еще существенное отступление — это способ подачи стихов читателю. До тех пор, пока стихи будут печатать курсивом, а рядом прозу будут печатать нормальным шрифтом (см. «Литературную газету»), до тех пор стихи (любые!) будут в общественном мнении считаться литературой второго сорта! Будем надеяться, что литературные власти примут во внимание наш совет, тем более что, как мне кажется, весь словарный запас, строй нашего языка, его синтаксис гораздо более приспособлен для стихов, чем для прозы. Именно размер и ритм характеризуют язык как живой организм, и эта особенность русского языка восходит к колебательным реакциям мирового бульона, который окружал нашу планету 3–4 миллиарда лет тому назад. Однако перейдем к делу.

Характерным признаком стихов О. Юркова является их антипафосность и многозначность. В большинстве случаев эти качества превалируют над восторгом и гневом — этими необходимыми признаками высокой поэзии. Поэтому речь автора так легко укладывается в привычные стихотворные размеры, создает атмосферу доверительного разговора с читателем или слушателем. Однако попадаются и стихи с признаками упомянутых выше качеств, например: «Что происходит?», «Отставной демократ», «27 января 1937 г.», «Победный день», «Сел самолет...» и некоторые другие. Можно подробно разбирать то или иное стихотворение, может быть, находить неточности. Но цель автора — создать у читателя хорошее настроение, вселить в него веру в необходимость жить при любых обстоятельствах и быть оптимистом.

Обратимся к первому тому. Он открывается циклом «У белой воды» и сразу погружает читателя в атмосферу военного детства, которое, как ни странно, смыкается с более близким по времени конфликтом одной из современных кавказских войн, не менее жестокой, чем Великая Отечественная. Тут и картины взорванных мостов, покинутого разрушенного города, сцены эвакуации и оккупации:

Толкая в спину автоматом,
стреляя вверх над правым ухом,
меня вели морским фасадом
к обрыву, на съедение мухам.

В этот раз всё обошлось, но могло быть иначе, ибо

...играет лимонкой голодный солдат,
по гулкой бетонке идут бэтээры... — и т. п.

И как-то органично смотрятся в этой панораме картины прошлых войн и пожаров и возврат к каким-то светлым впечатлениям, связанным с Петербургом, Крымом, морем и мостами, уже не недостроенными, а полновесными, судьба которых — нависать над широкой водой. Жизнь берет свое, ей предназначенное. Мирные впечатления особенно притягательны после бесчеловечности войны.

Характерной чертой первого тома, как, пожалуй, и остальных, является рассыпанность отдельных стихотворений. Цельное по сути произведение, никак не может нанизаться на общее вертелo, с помощью которого готовится духовная пища. Это, вероятно, и есть своеобразная манера автора, жадного до внешних впечатлений и не утруждающего себя тщательным склеиванием и сведением к общему знаменателю

цельных, законченных произведений. Конечно, и в отдельных стихотворениях можно отыскать менее удачные строки:

Современность — часто сказка сазанья,
из булыжника душистый навар...

или

Не зная, что, воссев среди коллег,
мне Сам Христос подписывает чек.

Ряд удачных стихотворений связан с Северным Уралом. Особенно хорошо смотрятся «Добрянка», а также «Далеко мне до Березников», «Сосна и Ель», «Стекланные цветы».

Эти стихи как-то выбиваются из цикла «На переломе», который, безусловно, заинтересует читателя своей политической актуальностью. Здесь в центре — фигура недавнего крупного политика, человека неоднозначного, ставшего символом перемен и надорвавшегося в своей пылкой ораторской деятельности. Сегодня, по прошествии ряда лет видны промахи во многих его решениях. И как антитеза этому деятелю звучит стихотворение «В душу каждому не влезть». И все же не коллизии социальной жизни, а именно душа (какое затертое слово!) находится в центре внимания автора, и всё, что происходит так или иначе, связано именно с духовным началом жизни. Это же относится и к историческим экскурсам лирического героя, когда он размышляет о судьбе «случайного» русского царя Василия Шуйского — освободителя Кремля от поляков.

Второй том «Избранного» оказался более «мягким», чем первый. Тут и танцы, и смех за стеной, и упомянутый царь — герой Смутного времени, поведший народ на штурм Кремля, хотя и не добившийся окончательного освобождения, пока не явились из-за горизонта фигуры Минина и Пожарского. Эти страницы весьма интересны, и забываешь, стихи это или проза, где документ, а где домысливание автора. Но вот новый зигзаг мысли — и мы переносимся в современность, в Сибиронóвск, гипотетическая будущая столица Руси. И тут же во втором томе «Пейзаж с дорогой» — вариация известного стихотворения В. Соколова, с художницей, которой всё нет, а весна наступает, и ее не ухватить за рукав.

Впечатляет стихотворение «Лозунг Дня» с явной политической закваской, но воспринимается как нечто ушедшее, вчерашний день перестройки на дороге, которой нет. Так и хочется сказать читателю:

В этом доме ничего не происходит...

Вот только почему-то прекрасный город Одесса оказался не в России.

Останавливают внимание читателя и чисто личностные стихотворения, вроде «Ну уходи, мне грустно без тебя...», «Гордость женщины», «Ты въехала в отдельную квартиру» и т. п. В этих стихотворениях альбомность борется с обобщением, и кто кого победит — остается за кадром... В итоге среди незначительных стихотворений пробивается к читателю главная тема — тема искусства, справедливости, жизнеутверждения. Так появляются «Военным поэтам», «Чилийская баллада», «Абхазская элегия» и др.

Тут и известные скульпторы, артисты, все добрые силы работают на автора. Упомянуть их всех — значит подвергать забвению. А это невозможно.

Наконец, третий том — по закону трех чисел должен быть завершающим. Это — густо замешанный раствор чувств, мыслей, призванный скреплять в нечто единое удачу и недостатки двух предыдущих. Действительно, в третьем томе больше реалий сегодняшней жизни, больше света и огня («Маяк», «Огонь», «Дай огня!»). Что касается содержательности, то, по-моему, он не уступает первым двум.

Много стихов, которые без опасения можно отнести к удачам автора: «Разговор поэтов», маленькие поэмки, а именно «Швея Анюта», «Черноморское предание», а также, я бы сказала, полупоэмы: «Взятие Выборга», «Музыка спасет мир», «Обелиск».

Заметны и стихи, выделяющиеся из общего гармоничного строя благодаря заложеным в них протестным ноткам, типа: «Россия — это не Москва», «Отца забрали ночью», «Портрет», «Опять потеря — не людей, так вещи...». Особенно отметить хочется поэму о скрипачке «Музыка спасет мир» — парафраз Достоевского, несущий в себе элемент музыкальной фантазии...

Оценивая в целом трехтомник стихов, хочется сказать, что это, безусловно, новая грань питерской литературы, которая, однако, не отражает каких-то особых, отличных от русского языка, петербургских текстов, а является лишь каплей в великой общерусской литературе. Это попытка поставить стихи вровень с прозой, причем прозой хорошей, в то же время оставаясь поэзией. И пусть по-прежнему существуют сонеты, рондо, мадригалы, баллады, эпиграммы и прочие элементы поэтической паточки.

В заключение не могу не привести три строфы из стихотворения «Цыгане в метро»:

Здесь мимо лиц грохочут поезда,
но празднеству не нанесут урона.
Легка судьба цыганского барона.
Он дома здесь, сума его пуста.

Он вечно к путешествию готов.
Ему не привыкать в штанах смолёных
волчком вертеться между двух зеленых,
бегущих друг от друга поездов.

Пируй, барон, не покидай метро!
Здесь с циферблатом ты играешь в прятки.
Ты вечно едешь, значит — всё в порядке.
И чей-то скарб впивается в бедро.

Ольга БОГДАНОВА